Районный конкурс: «Закоулки памяти»

Номинация: «Годы великих испытаний»

Автор работы: Серебренникова Надежда Викторовна

Руководитель: Культикова Марина Александровна

д. Якшина 2025 год.

История моей страны – история моей семьи.

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
Так было раньше, век от века.
Так будет позже, все года.
А для меня такое слово
Напомнит трудные пути
Для всех обычно и не ново
Жить век – не поле перейти.
(А.Д. Евдокимова)

День выдался ясный. Воздух был тёплый, хотя дул лёгкий, освежающий ветерок. За деревней виднелось поле молодой озими, блестящей на солнце изумрудными каменьями. За рекой стеной стояли помолодевшие весной сосны. Хвоя их стала ярко – зелёной, длинной, сочной. Шла весна 1941 года. Конец мая.

Александра Степановна сидела в тенёчке молодой берёзки, посаженной её сыном Игнатием и его женой Аннушкой. Рядом копошились двухгодовалые внучки: Октябринка (Игнашина дочь) и Валюшка (Надежина дочь). Семилетний пострелёнок Фёдко (Николин сын) носился по елани напротив, с такими же сорванцами, как и он. Сыновья, снохи, дочь с зятем копают огороды, сажают картошку. В колхозе посевную закончили, разрешили свои огороды посадить. В печи стоят наваристые шти *(якшинский диалект);* томится молоко в кринке; на столе, накрытые рушником, «отдыхают» шаньги с налевкой. Сердце радостно ныло у Александры, глядя на детей и внуков и ничего, что спину ломит и ноги гудят, главное, чтобы у них всё было хорошо.

В раздумьях Александра Степановна подводила итоги своей прожитой жизни. Вот она рослая статная девка – «кровь с молоком». Однажды, на вечёрках к ней подошёл Сёмка Серебренников и шепнул ей: «Жди сватов». «Видали таких ухажёров» - съязвила Санка, а самой уже давно Семён глянулся – русоволосый, спокойный, работящий парень. Сыграли свадьбу, не нищие были их родители. Семён последний сын у отца, старшие уже все со своими семьями, отдельными хозяйствами обзавелись. Да и Сана – не «голь перекатная». Хорошее приданое приготовила девушка: тканые и вышитые скатерти и полотенца; вязаные филейки – настольники, вышитые красным гарусом; вязаные и вышитые насундучники, видочки (салфетки). Отец выделил корову, овец и птицу. Обвенчались в Шмаковской церкви. Да и привёл её Семён в дом своих родителей. Жили хорошо, дружно: Сана с мужем и свекром управляются в поле, на покосе, со скотиной, а возле печи, да в огороде - свекровь. Свёкор, правда, не долго пожил, вскоре слёг и тихонько помер. Вспомнила Александра, как убивалась по умершему в

младенчестве первенцу – Ванюшке, как поддерживала её свекровь. Как обрабатывали свою землю, вели хозяйство, управлялись с мужем со всякой крестьянской работой. Вроде и устали никакой не знали, молодые были, крепкие. В 1901 г родился Николка, потом доченька Наденька, в 1908 г. дали жизнь Стёпушке, а в 1911 г. на свет появился младшенький Игнаша.

Так бы и жили рядком, да ладком. Да случилась Империалистическая война. Мобилизовали Семёна Дмитриевича на оборону Родины. Сгинул её Сёма на чужбине, защищая Отечество. Повыла, погоревала, а в доме – то мал-мала меньше, благо хозяйство они с мужем наладили крепкое. В доме за мужика остался старшенький Никола. Тянула хозяйство, как могла: где сама, где с ребятишками, где наймешь работников, но ничему не попустилась, детей голодными спать не клала.

Опять нагрянул переворот в жизни – революция. Для крестьян в деревне вроде ничего и не изменилось, как «рвали жилы», так и продолжили, а вот война в деревню пришла… От деревни Якшиной до Ирбитского завода вдоль реки бои иду, стреляют, убивают, снаряды рвутся, в селе Шмаковском поджоги, пожары. Стали мужиков в Белую да Красную Армии забирать. Бывало из одной семьи в разных Армиях. Это как же? Значит, брат с братом воевать должны? Молила Сана Бога, чтобы её Николу миновала эта участь. Призвали Николая в Красную Армию уже после освобождения Урала от беляков.

Тут Стёпка учудил, в шестнадцать годов жениться надумал, привёл девчушку – пичужку махонькую, тоненькую – одни глаза, но чисто приведение. «Мама, это Фёкла, благослови, у нас ребёночек будет». Николай после службы тоже девку в селе Шмаковском приглядел. Таисья Усова шустрая, вёрткая, везде поспела – полная противоположность квёлой Стёпкиной Фёкле. Как грибы после дождя внуки пошли. Тесно стало в избе, хоть и мирно жили. Надумал Никола свой дом ставить. Тут и Игнатий отслужил срочную. Поставили трудолюбивые братья добротные, большие, просторные дома: сначала Николаю с семьёй потом Игнатию и помогли мужу сестры Надежды. Степан с семьёй остался в родительском дому. А эти рядышком друг с другом: по одну сторону дороги Николай напротив Игнатий и рядом с его домом дом Надежды. Душа радуется у Александры за своих детей.

У Старшего Николая должность хорошая – в сельпо заготовителем работает. («Не зря я парней грамоте заставила учиться» - погордилась собой Александра). Семья его ни в чём не нуждается, пятерых деток растят. Хоть и нарожала Тася 12 ребят, в живых остались только Нюра 1926 г.р., Маня 1932 г.р., Фёдко 1934 г.р., Моря 1937 г.р. и Петрушка 1940 г.р.

У Степана с Фёклой, правда, не шибко гладко вышло. Оставила болезная четверых пострелят сиротами: Иван, Гена, Тома и Федя, сама померла в 1936 г. Степан второй раз женился на вдове из деревни Булановой.

У Миропии Игнатьевны тоже была дочка Анна 1930 г.р., ровесница Тамары. Вдвоём стали воспитывать пятерых детей. Степан с Миропией работают в колхозе, ребятишки ходят в колхозные ясли. Всё бы хорошо, да уронили маленького Федю в яслях из окошка, повредили мальцу позвоночник, вырос у него горбик. Смышленый мальчишка мучается теперь от болей в спине.

Как начали в колхоз агитировать, тут и думать было нечего: всё отобрали, налогами обложили, чего доброго ещё в Конду сошлют, как раскулаченных, так уж лучше добровольно в колхоз. Сразу пошла Сана на общественный скотный двор работать. Скотину жалко, она ведь не виновата в том, что её из теплых хозяйских хлевов согнали в один большой, холодный сарай. Кормила, поила, доила, корма заготовляла, хватила лиха в жизни. Теперь вот девки её: дочь Надежа и сноха Анна в колхозе доярками. Николай, муж Нади тоже на ферме скотником. У них двое ребятишек: Серега 1930 г.р. и Валюшка 1939 г.р.

Больше всего слёз пролила Александра, наверно, за младшего сыночка. В 1938 г. ещё новый дом ладом не обжили, не обустроили Игнаша с молодой женой, забрали его на войну с финнами – супостатами. Нюра ещё не оттаяла душой от потери первенца Ванечки, как и сама Александра в своё время, да и снова ждала прибавления в семье, осталась горемычная одна. Собрала Александра Степановна свои юбки да станушки в узел, сказалась Степану с Миропией, да и перешла жить к снохе – дочке Аннушке. В ноябре 1938 г. родилась Бина (Октябрина). Уговорила Александра Анну, внучку окрестить. Но не тут-то было… Батюшка в церкви сказал, как отрезал: «дала ребёнку революционное имя, пусть и растёт нехристем». Прочитала баба Сана над внучкой крещенскую молитву, окунула в таз с тёплой водичкой (купель), да и благословила сама. (Октябрина Игнатьевна потом не раз говаривала, что она хоть и не крещёная, но маканая). Через год вернулся с войны Игнаша, слава Богу, живой и здоровый. И Аннушка сразу расцвела, похорошела, со вторым дитём под сердцем ходит.

Даст Бог всё потихоньку наладится. И буду я вот так на внуков радоваться на старости лет. Сколь уж поди осталось. Седьмой десяток идёт. Жалко, что Семён не видит, какие у нас ладные ребята выросли: высокие да сильные, ловкие да рукастые. И невестки под стать – любое дело в руках спорится.

Не думала, не гадала Александра Степановна, что уже 7 июня её сына Игнатия снова мобилизуют в Красную Армию. Обстановка на границах была напряженной. По радио говорили, что немецкие фашисты уже всю Европу под себя подмяли и подбираются к нашим рубежам. Неужто опять война?... И верно, через две недели, 22 июня объявили её проклятую… Застывшие, оцепеневшие от горя и ужаса люди, молча, слушали, доносящееся из радиоприёмников объявление о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

В августе призвали на войну старших сынов: Николая и Степана, чуть позже и зятя Николая забрали. Проводили бабы своих мужей, сынов, братьев на защиту от ненавистного вражины, затянули пояса потуже, да и взвалили на свои хрупкие плечи всю мужицкую работу. Надежда с Анной стали на ферме не только доярками, но и скотниками. Самим приходилось и корма заготовлять. Мало вручную по 15 коров утром, вечером подоить. Надо и корма подвезти, и навоз убрать и на поля вывезти. Добрых лошадей тоже в Армию забрали, остались одни старые клячи, которых бывало чуть не на себе с возом тащить приходилось. Мороз – сидеть на возу холодно, да и лошади лишний груз. А забота из головы не выходит: только бы не подвела лошадка, выдюжила, да и самой бы не обморозиться, не захворать. В подручных на ферме ребятишки десяти – двенадцати лет, такие как Надеждин сын Серёга (1930 г.р.) Сначала маме приходил помогать, да так всю войну и проработал на ферме. Корма завезти, навоз вывезти, летом пастухом – так изо дня в день: и в снег, и в дождь, и в стужу лютую, и в жару палящую.

У Миропии, Степановой жены, ребята уже подростки все при работах определены. Девчонки, Тамара с Анной, ходят с Миропией на бригадные работы: прополку полей, сенокос, окучивают и убирают картошку, лопатят зерно на складе, рвут коноплю. Вроде не велика хитрость зерновые полоть – ходи по полю да высекай осотины коской. Но поработай-ко весь день под палящими лучами солнца, на поле, которому конца - края не видно, даже взрослому тяжко, а что уж про детей говорить. Отпустят ребятню искупаться в речке Чуманихе или озерке-луже какой-нибудь, всю усталость, как рукой снимет. Попутно наловят гольянов – рыбешка, похожая на головастиков. Тут же на костерке сварит повариха, баба Нюра, ушицу и накормит всю ораву. Ещё и чай на духмяных травках заварит. Старший Степанов сын Иван косить, пахать, боронить, то есть к мужской работе приставлен под командование стариков, не пригодных к военной службе. Слабые здоровьем братья, Гена и Федя, работают, по мере своих силёнок, с братом Иваном.

Таисье Матвеевне – жене Николая Семёновича, пожалуй, труднее всех пришлось. К сорока годам, за обеспеченным мужем, Таисья стала вальяжной, спокойной бабой. В доме порядок наведён, дочери уж большие справятся, пол всегда чисто вымыт и выскоблен добела, стол застелен чистой вышитой скатертью, вокруг стола скамейки – гладкие и добротные, а в красном углу иконка. (Всегда верили мои предки в Бога, детей не принуждали, а сами вставали и ложились с молитвой). На задней части двора конюшня, где были корова, овцы, куры. За конюшней ухоженный огород. Это вотчина Таисьи. Каждое утро Тася, зайдя в коровник, умиротворённо наслаждалась чудными запахами: корова с её дыханием, навоз и парное молоко. Эти равномерные звуки доения, при котором струйки молока равномерно позвякивают о стенки дойника. А тут же ещё квохчут куры на насесте. В загоне блеют овцы, пахнет овчинами и сеном. В огороде насажены разные овощи: лук, морковь, картошка, репа, свёкла, огурцы. Ни одного сорняка не видно – душа радуется.

Но… Жизнь не даёт соскучиться. Пришлось Таисье в войну, как и другим женщинам села, работать на полевых работах, заготовлять дрова. И старшие дочки – Нюра и Маня тоже с матерью. В 1943 году заболела Нюра, сильно мучила её острая боль в животе, решили, что от надсады или от голода. Не помогли ни какие отвары и настои, девушка умерла в 17-летнем возрасте. Петю отдала в колхозные ясли, там хоть как-то кормили ребятишек. Феде, к началу войны, было уже семь, пошёл в школу. После уроков, или вместо них, собирали на поле с учительницей оставшиеся колоски и сдавали их на склад, копали картошку. А с наступлением заморозков, пока поле не покрылось снегом, ходили с такими же пацанами и девчонками на колхозное поле, выковыривали, оставшуюся после уборки, мороженую картошку и несли её домой. «Вкуснее еды не было, чем печёная мороженая картошка» - вспоминал Фёдор Николаевич. Став постарше, Федя работал прицепщиком, возил из леса дрова на лошади. Четырёхлетнюю Маргаритку очень полюбила соседская бабушка Наталья Сергеевна (баушка Романиха). Осталась она одна одинёшенька после смерти деда, своих внучат не было. Вот и прикипела душой к Тасиной девчушке. Моря спокойная, улыбчивая, умненькая девочка тоже привязалась к бабушке, да так и жила у неё, домой только в гости бегала. А Романихе только в радость. Закончив восьмилетку, Моря поступила в «Учительское училище», а баба Наталья финансово поддерживала девушку и помогала, чем могла.

Уже в трудные послевоенные годы, чтобы помочь маме четырнадцатилетняя Моря со старшей сестрой девятнадцатилетней Марией поехали на лесозаготовки. А зима была холодная, снежная. Юная Моря сильно застудилась и тяжело заболела. Бога молила Таисья, чтобы не потерять ещё одну дочь. Девчонка поправилась, но никогда Маргарита не смогла иметь своих детей.

А, что Александра Степановна? На попечении у неё трое внуков. В ясли отдавать не хотела, после случая с внучонком Федей. Бина с Валей, у них разница в возрасте три месяца, да Витюша, который родился в июле 1941 г., через месяц после ухода отца на фронт. Истопит печь, сготовит, что Бог послал. Прибежит после дойки Анна Витю покормить, если у неё есть час – два свободного времени, то баба Сана подхватит лукошко, да и в лес через речку, благо рядышком. Наберёт то маслят на губницу, то ягод ребятишек побаловать, на чай травку душистую соберёт, корешков полезных нароет. А, когда ребятня подросли, стала их с собой в лес брать. Залезет на верхушку черёмухи кто-нибудь из ребят, уцепится за неё и тянет своим весом к земле – спускается «парашютиком», а внизу баба Сана подхватывает ветку и «собирай – не хочу» ягодки сладкой спелой черёмухи. Черёмуху собирали вёдрами, сушили мешками и размалывали в муку на мельнице. Какие вкусные пирожки пекли бабушки с черёмуховой начинкой, а «черёмуховая помакушка» - десерт из распаренной черёмуховой муки на сладком сусле – объедение. Собирали и сушили не только сладкие ягоды, такие как черника, земляника, малина, смородина, но и полезные: шиповник, калина, рябина.

Калину и рябину собирали поздней осенью и замораживали. Бруснику мочили. Много собирали грибов на засолку и сушку. Сколько разных вкусных блюд умели готовить наши бабушки: варили компоты, кисели, стряпали пироги с ягодными и грибными начинками. Даже, если и мука пополам с травой. А ещё баба Сана умела ставить силки на птиц и зайцев. Принесёт зимой окоченевшего зайца или зазевавшуюся куропатку, вот и пир можно устроить.

Деревня жила как бы своей тихой крестьянской жизнью. Надеялись на скорое окончание войны, надеялись на возвращение мужиков, надеялись, что всё пойдет своим чередом… Ковали победу непосильным трудом, плакали над похоронками.

На двоих сыновей Александры Степановны тоже пришли казённые бумаги. Сначала младшей снохе Аннушке – «Ваш муж Серебренников Игнатий Семёнович в декабре 1941г. пропал без вести». А позже и старшая сноха Таисья получила извещение – «Ваш муж Серебренников Николай Семёнович пропал без вести в феврале 1942г.».

Мужеству этих трудолюбивых, скромных, стойких женщин остаётся только восхищаться. Именно такие женщины, со стариками, вместе со своими детьми малолетними и подростками, благодаря своему неимоверному трудолюбию обеспечивали фронт продуктами, ничего не получая при этом за свой труд из колхоза. За счёт личного хозяйства кормили своих детей, при этом ещё и сдавали налог государству – молоко, мясо, яйца, шерсть. Да ещё и денежный налог платили государству. А деньги с того же хозяйства только можно выручить. Накопят с десяток яиц, напрядут моток шерсти, да и продадут в Ирбитском заводе за 10 километров от деревни. Так и денег на налог наскребут.

В послевоенные годы жизнь стала ещё тяжелее. Надо было восстанавливать разрушенные войной города и деревни. 1949 год выдался засушливым, выгорели все хлеба на потрескавшейся от зноя земле. Сдали государству все НЗ. Голод ощущался в каждом доме. Стряпали лепёшки наполовину с травой. Но не озлобились наши бабушки, ещё глубже поняв цену жизни, цену счастья и не желали другим пережить тот ужас, что достался на их долю.

У кроткой, беззащитной Надежды Семёновны муж вернулся с фронта на одной ноге. Стал прикладываться к бутылке, но его быстро определили сторожем – пастухом на отгонные пастбища. Дали лошадь с телегой (верхом он не мог с одной ногой). Так и проработал Николай Андреевич Евдокимов до самой пенсии. Каждую весну угонял стадо бычков в бор, возвращался только поздней осенью уже со стадом откормленных быков. Там и жил весь тёплый сезон, почти безвылазно, в деревню только за провизией и в баню приезжал.

Степан Семёнович вернулся к своим любимым лошадкам. Он долгое время возил в Якшину почту, которую получал в Килачёвском. В наши деревни автотранспорт ещё долгие годы после войны не рисковал ездить по лесной грунтовой дороге. В 1952г. Тамара подарила Степану Семёновичу внука Валерия.

Анна Ивановна (жена Игнатия Семёновича) женщина сильная, терпеливая, независимая, не избалованная жизнью. В восемь лет осталась без матери, отец отдал в « покормята» в чужую семью. Всю жизнь работала сначала на хозяев, потом в колхозе, обиходила своё личное хозяйство. Свела судьба с Игнатием, но и тут не успела Анна испытать в полной мере женского счастья. Война забрала мужа. «Игнаша меня слушался, любил, берёг» - вспоминала бабушка Аня. «Но не долго» - добавляла с горечью в голосе. Воспитала двоих достойных детей. Не согнулась Анна, не сломалась, не подличала, не лгала. Она благодарна своей свекрови Александре Степановне, которая всегда принимала жизнь такой, какая она есть, оставалась доброй, сдержанной, ровной и мудрой.

Александра Степановна дождалась внука Виктора из Армии (вот ведь превратности судьбы – отец Игнатий воевал с Германией, а сын Виктор оберегал эту самую Германию); благословила в замужество внучку Октябрину. И спокойная, с чувством исполненного долга перед страной и семьёй, отошла в мир предков в 1962 году.

Их трудовые подвиги, мужество и отвага должны быть в нашей памяти и переданы потомкам.

«Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила,
Какая огромная тяжесть
На женские плечи легла…»
(М. Исаковский)